

В современной издательской практике в последние годы стали особенно популярны сборники рассказов разных современных писателей на одну тему. Так, вышли книги: «Москва: место встречи», «В Питере жить», «Птичий рынок», «Удивительные истории о котах», «Удивительные истории о любви» и многие другие. Почти у каждого автора найдётся история, связанная с тем городом, в котором он живёт или бывал, и уж тем более – рассказ

про братьев наших меньших. Читатель охотно покупает такие сборники рассказов и прекрасно понимает, почему он это делает. Вот один из отзывов с сайта LiveLib.ru: «В последнее время стали издавать много сборников рассказов российских писателей, что не может не радовать: три по цене одного (точнее – 47 под одной обложкой), можно узнать новых авторов, можно прочитать неизвестные рассказы знакомых и, возможно, любимых писателей. Но не всё так просто...» «Не всё так просто» оказывается равно разочарованию от несоответствия объёма книги художественному весу. Первостепенный аргумент за покупку рыночный: три по цене одного, как о пачке чипсов. Можем ли мы винить читателя в таком расчётном подходе? Да ни разу. Вот купит он книгу незнакомого автора в «соло» за шестьсот рублей и не сможет её дочитать. Обидно, деньги потрачены зря. В сборнике же, если рассказ определённого автора не понравился, можно перелистнуть на следующего.

Среди тематического разнообразия сборников моё внимание привлекли два наименования: «Русские женщины» (Издательство «Азбука», 2014) и «Удивительные истории о мужчинах» (Издательство «АСТ», 2020). Это уже не истории про город или домашних животных, хочешь не хочешь, а придётся «вводить» героя или героиню. В современной русской литературе нет героя в онтологическом понимании: если прямо сейчас задуматься и попытаться назвать литературного персонажа, выражающего состояние общества в двадцать первом веке, у нас вряд ли получится. На ум не приходят современные Чацкие, Печорины, Онегины или даже Обломы. Рассчитывать найти в сборниках о женщинах и мужчинах героя времени было бы опрометчиво, понятно, что они на это не претендуют. Но вот узнать, как писатели видят конкретных своих современников, кого выбирают для

рассказа на заданную тему, – очень полезно. Ведь из этих предпочтений в будущем, возможно, родится герой или, кто знает в наше время, героиня. Так кто же они – современные мужчина и женщина, чем живут и о чём думают?

Составители сборника «Русские женщины» Павел Крусанов и Александр Етоев признаются в предисловии, что никто не хочет про них, этих русских женщин, писать: «Возможно, суть женщин и впрямь загадка. В отличие от сути стариков – те словно дети. В отличие от сути мужчин. Те устроены просто, как электрические зайчики на батарее «Дюрасел», писать про них – сплошное удовольствие, и автор идёт на это, как рыба на икротёт. Мужчина что, сделал дело и ждёт, когда его спросят, сколько долек лимона положить ему в чай». Тезисы про мужчин весьма спорные, если не сказать, примитивные... Зато женщина на этом фоне высвечивается как загадка, тайна, сотканная из «вещества сна и лунного света». В самой книге высокий образ зачастую воплощается не совсем так.

Героини «Русских женщин» чувствуют себя жутко одинокими – хоть в браке, хоть вне его. Они панически боятся стареть и во всех своих действиях ориентируются на наличие мужчины. В рассказе Марии Галиной «Звонок» главная героиня слышит запах одиночества и старения. В очередной раз брызнув любимыми духами на запястье, Лариса Павловна сотрясается от отвращения. Так она понимает, что настало время тяжёлого, сладкого, а ароматы свежести и юности для неё теперь в прошлом. Во снах она видит необретённого суженого, и это единственное время суток, когда женщина ощущает себя совершенно счастливой: «Лучше уж дома, в убежище, где в старом зеркале она видит себя настолько смутно, что забывает, на что она похожа на самом деле. Тем более что каждую ночь она и так уходит в странствие, отплывает в золотые поля, в места счастья,

где ждёт её Он». Лариса Павловна и не мыслит счастья в одиночестве. Рассуждая о том, что в отпуске будет смотреть на счастливые парочки и «чувствовать себя старой душой», она выводит формулу: «Радость – это то, что можно разделить с кем-то, иначе это никакая не радость, а тоска и давняя обида». То есть главная героиня ощущает себя эмоционально не самодостаточной без мужчины, но острую для себя проблему никак решать не намерена. Вместо реальности у Ларисы Павловны – сны, вместо обдуманных мер по самореанимации – горькие слёзы.

Произведение Сергея Носова «Две таблички на газоне» знакомит нас с добропорядочной пенсионеркой. На протяжении всего рассказа писатель подталкивает читателя к выводу, что вся её общественная вовлечённость имеет одну лишь причину: она – старая дева. Именно поэтому Тамару Михайловну так волнует отсутствие на газоне перед домом таблички «Выгул собак запрещён», так на волю выходит её нереализованный потенциал. С работы выгнали, мужем к почтенным годам не обзавелась, есть только племянница, которой тётка не стесняется звонить в любое время, оправдывая себя тем, что «Маша поздно ложится». Ах да, и по классике: ещё имеется кот, с ним Тамара Михайловна делится сокровенным непрерывно. Накопленный в одиночестве заряд оборачивается агрессией и злобой, Тамара Михайловна огревает человека молотком и разбивает ему лобовое стекло. В произведении Мирослава Бакулина «Фискальный документ» описывается похожий случай: женщины, обозлённые бытом и доведённые до неврозов изменами мужей, дерутся у прилавка из-за селёдки.

Страдают от одиночества или его предчувствия «русские женщины» Татьяны Алфёровой, Майи Кучерской, Анны Матвеевой, Андрея Рубанова. Несостоятельность в личной жизни накладывает отпечаток на весь мир, из-

вечная бабья несчастливость заполняет собою всё. Поэтому якобы дерутся из-за селёдки, бьют лобовые, платят выкуп мошенникам несуществующего сына и даже меняют пол (это у Владимира Богомякова). Героини «Русских женщин» вереницей проходят перед читателем с наполненными продуктовыми пакетами, кормят кошек, смотрят телешоу, плачут в подушку, от одиночества достают звонками дальних родственников или тихо боятся, что их бросят мужчины.

Алексей Слаповский в «Рассказ о рассказе, которого нет» пишет о будущей книге: «И наверняка половина рассказов будет о том, как русская женщина преодолевает тяжёлую русскую долю, и в этом её высшее русское предназначение! Типа я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик! А вторая половина – о бабьей самоотверженной любви к неблагодарным мужикам и детям!». Ну да, так вполне могло бы быть. О женской силе и отчаянной жертвенности написано немало, и казалось, будет написано ещё, и здесь в том числе. Но претензия на такую интерпретацию образа встречается обидных три раза: в рассказах Валерия Попова «Есть женщины в русских селеньях», Ильи Бояшова «Девятнадцать убитых немцев» и Романа Сенчина «Валя». А кроме – либо о женских персонажах-пустоцветках, унывающих и унылых, либо... об отбросах общества.

Наркоманки, алкоголички, психически больные – вот где простор для воображения! С оттягом и смакованием повествует о жизни героиневой наркоманки Петрухи Мария Панкевич. Да, Петруха не лишена жертвенности, дегенеративной, правда: «Самым веским доказательством любви к Ромке она считала зимнюю поездку к нему на длительное свидание в Карелию. Ехала она туда впервые, насколько тщательно обыскивают родственников, не знала, поэтому наркотики брать с собой побоялась. На дорожку Петруха врезалась так, что Анфиса заносила

её в вагон поезда. Но кумары были неизбежны, и на второй день свидания у неё потекли сопли и слёзы. "А приходилось трахаться, девчонки..." На обратном пути было не уснуть, знобило. Петруха пила водку и молилась, чтобы поезд ехал быстрее». У Петрухи двое детей, у обоих отцы – наркоманы. В рассказе мы застаём её на том моменте, когда она убила своего соседа и «отъехала» на зону, где быстро установила свои порядки. Так, от очередной отсидки до передозировки Петруха и гуляет по незамысловатому сюжету.

У Александра Мелихова в рассказе «Про маленького Капика» всё не менее живописно: «В первый раз её отымали в ментовке при метро и выпустили под утро, ещё метро не работало, в ледяном подъезде отмывалась полупрозрачным твёрдым снежком с вдавившимися отпечатками пальцев, а в последний раз дружок, с которым начиналось так суперски, продал её барыге за пару чеков. Она тут же вмазалась, и вышел передоз, но барыга своё таки получил (у дружка от герасима давно не стоял) – она пришла в себя в подвале, долго смотрела на бетонный потолок и не понимала, где она. А потом почувствовала, что стягивает внутреннюю сторону бедра, посмотрела – трусов на ней не было, а стягивало чем-то вроде засохшего молочного киселя. И подумала только одно: хорошо, подвал тёплый». Потом, правда, предпринята попытка вывернуть сюжет на преображение в любви к наркологу, но и он оказывается премерзким человеком, который за спиной костерит своих подопечных. Поэтому в спасительную силу беззаветной любви здесь поверить сложно.

А вот настоящая звезда сборника – это Наталья Романова и её рассказ «14 часов 88 минут», название которого, видимо, отсылает к кодовому лозунгу нацистов – 14/88. Автор рассказывает нам о художнице с Арбата, которая

периодически приводит к себе жить «хачиков», как сказано в тексте. Об истории поздней идиллической любви своей героини с Аблезом Романова пишет с «тонким» интеллигентским юмором. Ах, посмотрите, какое быдло, обращает наше пресыщенное внимание писательница: «В филармонии и оперном театре, в Малом театре оперы и балета Аблез при первых же звуках оркестра немедленно засыпал, следом засыпала и Валентина. Так они и дрыхли на пару весь концерт до, можно сказать, заключительных аккордов, время от времени всхрапывая, особенно громко – Валентина: протяжно и с присвистом, и, если храп попадал в драматическую паузу между аккордами, в сторону пары раздавалось возмущённое шикарные культурных завсегдатаев и истинных ценителей классической музыки». Любовь пройдёт, завянут помидоры, Аблез совокупит осла, Валентина его за это убьёт и похоронит в одном гробу с только что почившей матерью, которую предварительно расчленит. Кого этот текст должен оскорбить больше? Русскую женщину, которую в этом тексте втоптали в грязь и полили сверху, или всех лиц кавказской национальности разом, ведь герой знает по-русски только пару матерных слов?

В книге о русской женщине есть и стихотворные попытки. Всеволод Емелин в поэме «Снежана. Оптимистическая трагедия» прямо-таки воспел предмет обсуждения. Поэт выбрал лирическую героиню нрава свободного: «Настигали вонючие члены / Да слюнявые жадные рты, / Иностранцы, менты да чечены, / Да бандиты, да снова менты... / А в Москве полыхали витрины, / Загорались гей-клубов огни. / Проходили бессмысленно мимо / Жизни девичьей краткие дни». Ну, выбрал, к этому по мере чтения сборника уже можно было привыкнуть. Но в конце заявил смелое сравнение: «У французов святая есть Жанна, / У пиндосов Мэ-

рилин их Монро. / А у нас – россиянка Снежана, / До чего ж нам с тобой повезло!». Поставить рядом национальную героиню французов Жанну д'Арк и актрису Мэрилин Монро, а потом продолжить сравнительный ряд проституткой Снежаной – это даже не остроумно.

Описаниями разнообразных девиаций вместо попытки рассказать о русской женщине порадуют вас также Марат Басыров, Александр Етоев, Михаил Елизаров, Вадим Левенталь и Александр Снегирёв. Там и навязчивая психически больная уродка, и алкоголичка, которая упивается вместе со своим сыном, и наркотрипы с групповушкой, словом, все возможные «вывихи» и сдвиги, только с женским лицом. Интересный подход: тебе звонит издатель/составитель и говорит, что для сборника с обобщающим названием «Русские женщины» нужен рассказ. И ты пишешь или даёшь из старого нечто заведомо для этих самых русских женщин унижительное. Просто не можешь сдержаться и ваяешь про проститутку, причём не с позиции сожаления, сочувствия, понимания, а чтобы просмаковать самые грязные подробности. Радует, что из таких текстов состоит не весь сборник. В нём есть и неплохие рассказы о любви (Михаил Гиголашвили, Андрей Кивиннов), и стилистически фактурные произведения о женщинах народа (Василий Аксёнов, Наталья Ключарёва), и уже упоминаемые рассказы о женской силе духа.

В сборнике «Русские женщины», в отличие от «Удивительных историй о мужчинах», нашлось место формальным экспериментам. Так, три рассказа (Вячеслав Курицын, Алексей Слаповский и Александр Снегирёв) написаны в рекурсии, автор пишет про автора, который пишет рассказ о русской женщине. Текст Мирослава Бакулина притворяется выпиской из психиатрического анамнеза, а рассказ Павла Крусанова представляет собой телефонные монологи.



Но самый важный для нас эксперимент – это «По ссылкам» Алексея Евдокимова. Здесь пространство текста и образ главной героини формируются из сочетания интернет-ссылок: на статьи в газетах, форумы, соцсети. В итоге получается некий виртуальный конструкт, можно создать человека заново, «прописать» его сетевой аватар, как тебе угодно. Попытки перенести интернет-пространство в литературу у современных авторов встречаются всё чаще<sup>1</sup>. Это похоже на трансформированный эпистолярный жанр, лишённый интимности личной переписки и её душевности. Автор получает возможность удалиться от текста и отказаться нести за него ответственность, мол, это в Интернете написано, а кто написал – уже дело десятое, всего лишь чужое мнение. Вот, например, среди ссылок находим несуществующий «ЖЖ» Арсения Звягина. Читаем: «А всё просто: наш народ – это бабы. Мужики наши нерепрезентативны. Мужик – существо в первую очередь социальное, он отвечает за структуру, за смыслы и правила, – и его бардак последних десятилетий укатал круче. Раскатал. Уничтожил как класс. В отсутствие смыслов и правил и мужиков толком нет. Поди определи, что такое сейчас в России мужик. А с бабами – обычными, типичными, среднестатистическими – всё вполне ясно. Они как на ладони, они на виду: в приёмных, офисах, регистратурах и почтовых отделениях, в учительских, ЖЭКах и собесах, в риелторских, рекрутинговых, страховых, рекламных агентствах, в салонах связи и красоты. <... > Большинство, базис, класс-гегемон. Лицо нации, залог и инструмент её воспроизводства». И вообще-то такое мнение не совсем безосновательно. По ста-

---

<sup>1</sup> Вспомним, например, произведение «АРБАЙТ. Широкое полотно» Валерия Попова, жанр которого определён издателем как «интернет-роман». Или из недавнего – рассказ Дмитрия Кутузова «Спасение виновного» в № 8 «Нашего современника» за 2020 год, где предпринята попытка воспроизвести законы онлайн-борьбы в соцсетях.

тистическим данным<sup>2</sup>, на начало 2020 года на тысячу женщин приходится восемьсот шестьдесят шесть мужчин. Опираясь на очевидные количественные показатели, социологи предлагают считать, что среднестатистический россиянин – женщина.

Да и, как мы видим по последним мировым тенденциям, тема положения женщины в обществе становится чуть ли не первостепенной. Посмотрим в сторону господствующей в мировой культуре индустрии. Целая волна рейтинговых западных сериалов посвящена именно женскому вопросу, это уже отдельный сегмент: «Большая маленькая ложь», «Почему женщины убивают», «Мисс Америка», «Утреннее шоу», «И повсюду тлеют пожары» и др. Также ряд масскультурных серий фильмов поменял героя на героиню: это и «Терминатор: Тёмные судьбы» Кэмерона, и «Охотницы за привидениями», и «Капитан Марвел», а перезапуски популярных среди подростков в двухтысячные сериалов («Зачарованные», «Леденящие душу приключения Сабрины») так и вовсе будто пересняты для того, чтобы «обновить» героинь в соответствии с феминистической повесткой.

Схожий процесс наблюдается и в литературе. Победителями престижной «Букеровской премии» в 2019 году стали канадка Маргарет Этвуд с романом «Заветы» и писательница англо-нигерийского происхождения Бернадин Эваристо с произведением «Девушка, женщина и остальные». Обе, разумеется, феминистки. Книга «Заветы» – продолжение «Рассказа служанки» (1985), антиутопии, в которой исследуется тема женского угнетения. А роман «Девушка, женщина и остальные» – истории две-

---

<sup>2</sup> Росстат назвал соотношение женщин и мужчин в России // Национальная служба новостей. URL: [https://nsn.fm/society/rosstat-nazval-sootnoshenie-chisla-muzhchin-i-zhenschin-v-rossii?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://nsn.fm/society/rosstat-nazval-sootnoshenie-chisla-muzhchin-i-zhenschin-v-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop) (дата обращения: 06.10.2020).

надцати персонажей (в основном чернокожих женщин), где речь идёт о феминизме, политике, патриархате и других не менее актуальных вопросах.

А что же с поэзией? В списках безусловных бестселлеров поэтические сборники канадской индианки Рупи Каур. Её дебютная поэтическая книга белых стихов «Молоко и мёд» (2014) разошлась тиражом два с половиной миллиона экземпляров и была переведена на двадцать пять языков. Каур пишет о своих психотравмах, потерях и угнетаемой женственности. Пишет примерно так: «Тебя / научили/считать свои ноги / пит-стопом для мужчин, / ищущих место для отдыха, / своё тело достаточно пустым / для гостей, но ни один из них / никогда не приходил / с желанием / остаться». Внимания заслуживает иллюстративная часть, ведь Каур не только поэт, но ещё и художник. Прочитированное стихотворение в сборнике помещено с иллюстрацией раздвинутых женских ног.

В России культурное поле ещё не изменилось настолько явно, но мы тоже движемся в эту сторону. Одна из самых громких премьер лета и, как утверждают кинокритики, премьер этого года вообще – сериал «Чики» режиссёра Эдуарда Оганесяна. Лента рассказывает о четырёх бывших проститутках, которые решили полностью изменить свою жизнь и открыть фитнес-клуб в родном провинциальном южном городе. Сериал действительно вышел неплохой, он о шансе и возможности выбора. Но при его обсуждении напирают почему-то именно на феминистическую подоплёку, хотя она тут не первостепенна<sup>3</sup>. А вот где первостепенна... Лауреатом самой крупной премии для молодых авторов «Лицей» за 2019 год с поэмой «Когда мы жили в Сибири» (жили, разумеется, очень

---

<sup>3</sup> См. «Режиссёр сериала "Чики" Эдуард Оганесян про Кавказ, побивание камнями, Горбачёву и Ефремова». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SqXkqHR8Uow> (дата обращения: 07.10.2020).

плохо, а как ещё) стала «поэтесса и феминистка», как она сама представляется, Оксана Васякина. Метод самопрезентации находит отражение и в текстах. А недавно «широкий резонанс в литературных кругах»<sup>4</sup> вызвало стихотворение Галины Рымбу про вагину, вот короткая выдержка из него: «Однажды я трогала свою мышку на лекции в универе, / трогала её в пустом автобусе, ползущем по ночному городу / от заводов к панелькам, от кладбищ к торговым центрам. / Я трогала её за гаражами, осенним утром, / сидя на ржавой трубе, / трогала в машине скорой помощи, которая везла меня / на операцию, и трогала после операции, / когда в уретре стоял катетер, когда из уретры текла кровь». Одни осуждали, другие поддерживали и даже писали стихи про свою, а Рымбу тем временем вывела разговор на «гендерный переко́с в русскоязычной литературной традиции». На мой взгляд, настоящую поэзию (как и литературу, искусство вообще) волнует не гендер в первую очередь, это ведь сужение до определённого круга проблем, а мир в его многообразии. Акцентируясь на том, что ты «поэтка», «фемпоэтесса» и всё из этого вытекающее, ты как творческая личность поднимаешь на флаг свой пол, что является лишь частностью, а не абсолютom. На наших глазах феминизм по всему миру из общественного движения за права женщин превращается в идеологию с её претензией на собственное объяснение прошлого, настоящего и будущего; с жёсткой абсолютизированной логической схемой, отсекающей любые не укладывающиеся в неё факты. Нарождающееся литературное течение с требовательной приставкой «фем» транслирует эту идеологию напрямую, она подчиняет себе текст,

---

<sup>4</sup> Продолжается скандал вокруг стихов Галины Рымбу // Современная литература. URL: <https://sovlit.ru/tpost/05frgun6yh-prodolzhaetsya-skandal-vokrug-stihov-gal> (дата обращения: 07.10.2020).

и в итоге вместо литературы мы получаем переработанный продукт идеологии.

С той же позиции и Алексей Евдокимов, заявляя, что женщина – это народ, не совсем прав. Она только его часть, пусть на данный момент в России и бóльшая, но народ – это прежде всего историческая общность. В конце концов автор отказывается от спорных суждений и приписывает их виртуальным героям: «Параноик, сдвинутый на нашем коварстве, видит прожжённую аферистку (в героине, сформированной ссылками. – Я. С.), либеральный репортёр рвётся спасти жертву режима, графоман-народник несёт претенциозную галиматью про народ...». Претензий тут быть не может, это же плюрализм мнений, дальше думайте сами.

Ещё одно суждение Алексея Евдокимова о том, что русские женщины «очень мало изменились» и «быстро адаптировались к историческим переменам», не разделяет Алексей Слаповский. Выбрав форму рассказа о том, как пишет рассказ, он тоже воспользовался возможностью публицистического размышления. Одним из рабочих вариантов темы было то, что русская женщина потеряла свою национальную идентичность: «Написать о том, как русская женщина перестаёт быть русской женщиной! Не надо ей уже коней останавливать и входить в горящую избу, она вызовет МЧС. Она лихо сидит за рулём, рассекая страшные московские улицы. Она сидит в офисе, а не в горнице с выводком ребятишек. Она не павой кружит в хороводе за околицей, застенчиво клонясь долу русокозой головою, а смело колышет универсально привлекательными бёдрами на парижских и нью-йоркских подиумах». Правда, рассказ так и не состоялся, видимо, потому, что способы изменились, а подходы, в сущности, остались теми же.

Абстрагируясь от внутренней писательской диалогичности, можно сказать, что из сборника «Русские женщины»

вырастает два явственных образа. Несчастливая неудачница, которой интересно только собственное несчастье, и дошедшая до дна инфантильная зависимая. Будущую героиню русской литературы из этого сделать сложно. Татьяна Ларина, Соня Мармеладова, Наташа Ростова, Анна Каренина и их младшие последовательницы: Аксинья Астахова, Полина Вихрова, Настёна Гуськова и др. – помимо прочего отличались одним неизменным качеством – их нравственные метания выражались в поступках. В «Русских женщинах» все порывы превращаются либо в депрессивную стагнацию, либо в бытовую склоку, либо в бесконечное падение без цели и смысла. И я не думаю, что это русские женщины кардинально изменились... Скорее, угол зрения в сборнике был выбран именно такой.

А что же с мужчинами? Писатель Андрей Константинов, например, не делает никаких различий, ведь в творчестве всё едино. Хитрый автор печатается и в «Русских женщинах», и в «Удивительных историях о мужчинах» с одними и теми же рассказами. Потому что если в рассказе есть женщина, то это уже рассказ про женщину, а если мужчина – то про мужчину. Вот такая гендерная гармония. В то же время другой автор «Русских женщин» с разочарованием констатирует: «“Русские мужчины” – небось такой сборник никто не вздумает составить. Н. проверил: пошарил в Интернете. Да, нет такого сборника». Теперь – есть. Только называться он должен был не «Удивительные истории о мужчинах», а «Удивительные и не очень анекдоты про ВС РФ».

Журналист Сергей Антонов в издании «Тинькофф Банка» собрал аналитические данные и составил портрет типичного россиянина. Получилось, что зовут его Александр, а лет ему ровно сорок. Как и большинство соотечественников, Александр считает себя патриотом, а ещё он «глубоко убеждён, что сегодня наша армия способна

обеспечить безопасность страны. Этому же мнению, по версии ФОМ, придерживается 88 % россиян. С каждым годом боеспособность российских Вооружённых сил, в умах россиян, повышается. Саша считает, что армия – это школа жизни. С ним согласно 66 % опрошенных ФОМ»<sup>5</sup>. Ещё с ним согласны авторы сборника «Удивительные истории о мужчинах». Они считают, что армия – это не только школа жизни, но и исчерпывающий материал, на котором можно писать о мужчинах.

Составитель сборника – Эдуард Овечкин, автор серии книг «Акулы из стали» о подводниках, прослужил на Северном флоте двадцать один год. Его тексты – открывающие, это анекдотические случаи на службе, бытовой юмор которых передан с использованием незамысловатого матерка к месту и не к месту.

Жёсткая рука Овечкина видна во всём. Из двадцати двух текстов сборника не про вооружённые силы написано в четырёх, а женщина в авторском составе всего одна. Авторы в большинстве своём собраны малоизвестные, но стоит отметить, что в произведениях их нет умствования, чернухи или позы. Ну собрались мужики, потравили армейские анекдоты, поматерились, понятное дело, в своём кругу. Другое дело, что «Удивительные истории о мужчинах» в силу своего содержания просто не могут оправдать читательских ожиданий. На обложке-то ведь заданы интригующие вопросы: «Кто такие мужчины? Как они ведут себя в естественной среде обитания? Чем вообще занимаются, когда за ними никто не наблюдает?». Но ответить на них никто не пытается, а однотонность и однотемность иной раз вызывает раздражение. Некоторые из читательских отзывов: «За исключением некоторых рассказов, эта книга скорее напоминает сборник

---

<sup>5</sup> Антонов С. Я такой, как все. Портрет типичного россиянина // Т-Ж. URL: <https://journal.tinkoff.ru/citizen/> (дата обращения: 07.10.2020).

историй из блогов, а не рассказов. Не смешно и грубо. Юмор весьма пошлый, солдафонский. И об одном и том же – армия, водка, мат»; «В основном удивительная пустота обычного гогота с отрыжкой». Короче, мужчины в «Удивительных историях...» колобродят, шутят по-всякому, по-доброму и не очень издеваются над своими товарищами. Большого ожидать не стоит.

Из книги становится понятно, что самое важное в армии – иерархия и подчинение приказам. Большое количество рассказов посвящено именно армейскому руководству и его сумасбродным идеям, с которыми солдаты справляются сообща. Так, командиру в рассказе Овечкина «Дело было не в бобине» приходит в голову узнать у бойцов, сколько лопаток в турбине. А мысль что-нибудь эдакое узнать является ему довольно часто... Команда слаженно придумывает случайную цифру и заучивает её на случай общего допроса. Объединяют усилия на благо русской армии солдаты в рассказах Павла Ефремова, Максима Лебедева и Сергея Морева. Но отношение к командирам здесь различное. В рассказе Лебедева с говорящим названием «Пидор гнойный» – о том, как должность заменяет человека, а желание выслужиться разрушает сложившуюся экосистему армейских договорённостей: «Но когда пришла очередь подводной лодке сдавать свою задачу, Михаил Леопольдович, естественно, ни о каких договорённостях не предупреждённый, усмотрел в действиях командира некоторый инфантилизм. После чего самолично исполнил лихой противолодочный манёвр (в кают-компаниях офицеров и мичманов попрощались с фарфоровой посудой и начали сметать осколки в мешки) и ушёл от торпеды. «Понял, как надо?» – подбоченясь, спросил он нашего командира, у которого враз потухли глаза». У Сергея Морева в «Методе дознания», напротив, описан мудрый и терпеливый



человек. Он принимает правила игры своих подчинённых и подыгрывает им, несмотря на то что рискует показаться слабым: «Просто они понимали, что молодым иногда надо просто посмеяться над начальством. Ущерб авторитету такой смех не наносит. Наоборот, полезен. Для сплочения коллектива». Этот самый коллектив как главный герой армейских баек действительно оказывается забавен и в чём-то даже очарователен. В рассказе у Сергея Логвинова ученику военного училища доверяют секретные пропуска его товарищей. Главный герой тут же чувствует в себе художественный позыв... Товарищи реагируют благосклонно: «– Аха-ха-ха-ха! – А я ничё так! – Бусы как у продавщицы овощного! – Ну ты и дура тут! – На себя посмотри, шлюха!».

По-настоящему комичные эпизоды описаны у Александра Новикова в «Полевом походе», где одна случайно встреченная старушка смогла «сделать погоду» целому дивизиону, и в рассказе «Драка в ресторане» Сослана Плиева о том, как нашла коса на камень, Кавказ – на армию, стеснительный Бзо шестидесяти лет – на голодную до внимания майоршу. Однако при всей уморительности происходящего не перестаёт задевать то, что во многих рассказах «Удивительных историй...» мужчины разговаривают исключительно матом. Возможно, в армии оно так и есть, судить не берусь. Но по мере чтения кажется, что обценная лексика на каждой странице появляется из-за скудности лексикона и неумения передать ситуацию в лицах литературным языком. Ведь вот может почему-то Юрий Крутских в «Подвиге разведчика» повествовать об экстремальных условиях на подводной лодке без эскапад забористой матерщины. Текст, кстати, очень познавательный, один из самых ярких в сборнике. Будни подводника описаны с юмором и неожиданными бытовыми подробностями.

Но всё-таки всё это – не совсем проза. Многие сочинения в «Удивительных историях...» построены по одному шаблону. В центре речевого потока находится некая шутка, нам её рассказывают, и текст себя исчерпывает. Или же это может быть изложение определённого ряда фактов, которые не облечены в художественную форму. Армейские зарисовки из сборника исчерпываются пересказом, и даже не очень подробным. Разительно отличаются рассказы Вадима Чекунова «Жара» и «Пластиглаз». В наиболее удачном рассказе, «Жаре», нет как таковой сюжетной изобретательности, ефрейтор сопровождает арестанта на обязательные работы, но в процессе диалога нам открываются объёмные герои с крепкими социальными мотивациями. Усталый морок бесконечной службы окутывает их, кажется, что армия не закончится никогда: «Тот же плац, тот же Тищенко. Да и сам Нечаев... Та же тоска, та же тягота, да и дембель хоть и ближе стал, а всё равно – не видать отсюда. Время сделало круг, а в его, нечаевской, жизни ничего не изменилось. Только лето прошлое было дождливое и холодное. Болел постоянно, а если в санчасть попросишься – так пожалеешь, почему не помер сразу...». И это общее для всех ощущение постоянной жары, духоты, жажды настоящей жизни в каждом действии выражено очень точно.

Ранее я уже говорила о том, что среди рассказов мужчин о мужчинах есть один «женский» текст. Но не стоит обольщаться: он тоже про армию, главная героиня Карины Кретовой – жена военного. В сущности, вся риторика рассказов «Высоко задравши нос» и «Послушай бабу – сделай наоборот» – «ой, я такая девочка-девочка, а мой муж такой мужик-мужик». Повествование ведётся от первого лица, эдакий прелестный кокетливый лепет: «Поэтому решила позагорать. Опять засада – мухи! Нет, это даже не мухи, это какие-то слоны летающие, может быть, их

зовут оводами, но мне было всё равно. И ещё всякие букашки-сикарашки из травы лезут на меня, загорающую... Решила побегать с сачком. Носилась по лугу, переловила всех бабочек, стрекоз и кузнечиков, распугала всех пасущихся неподалёку коров, но муж сказал, что рыб я тоже распугала. И мне захотелось погрузиться, ибо должна же я показать всю свою жертвенность во имя его хобби? Уселась уже было на коврик в позе роденовского "Мыслителя", когда муж напомнил мне о фотоаппарате!». Женщина появилась здесь не потому, что ей было принципиально важно высказаться о мужчинах, а потому что её героиня удачно встроилась в однополярную образную систему сборника. Ну какая жена может быть у сурового, серьёзного военного, который дела делает? Лёгкая на подъём, с сачком бегают.

Сквозной герой в «Удивительных историях о мужчинах» один. Это армия во всех её проявлениях. Иногда в рамках армии появляется персонаж, но он неизменно остаётся частью военной системы – и это главная его характеристика. С одной стороны, обидно, что предполагаемая книга о мужчинах получилась столь монохромной, однонаправленной. С другой стороны, если мы сравним её с предшественником – «Русскими женщинами», то читать сборник о сильной половине человечества оказывается намного приятнее. Он и бодрее, и искреннее, и обошёл без смакования девиаций. Если же возвращаться к предмету нашего обсуждения, то вряд ли героем современной литературы может стать канонический военный. Современные ВС в их бытовой жизни (а это предмет изображения в «Удивительных историях...») – изолированная страта, в то время как современный человек существует в непрерывном потоке информации сразу в нескольких измерениях. Также профессия военного – это строгая дисциплина и регламент, не зря многие

из рассказов сборника посвящены именно их нарушению. Одна же из главных проблем времени – отсутствие иерархии, системы, когда на равных могут сосуществовать ранее несоизмеримые явления. Логично, что военный, находясь в особенных профессиональных условиях, ориентирован прежде всего на них.

А кто же тогда мог бы стать героем времени в современной литературе? Интересны рассуждения по этому поводу писателя Алексея Иванова, автора романов «Тобол», «Золото бунта», «Сердце пармы» и др. В своей новой книге «Быть Ивановым», которая состоит из ответов на вопросы читателей на личном сайте, Иванов рассуждает о герое современности: «Чтобы определить героя "нашего времени", нужно определить главную проблему нашего времени. Мне представляется, что это переход законов онлайн в офлайн. Поэтому "герой нашего времени" – человек, который в реальности живёт по тем законам, которые приняты в соцсетях. Или в соцсетях живёт по тем законам, по которым построена наша реальная жизнь. Однако необходимо, чтобы общество признало проблему онлайн/офлайн главной, и лишь тогда литературный персонаж будет опознан как "герой нашего времени". Но общество не считает эту проблему главной, а то и вовсе её не видит». За прошедшие двадцать лет соцсети деградировали от «Живого Журнала» до Tik Tok: от текста как способа выразить свои мысли до видео, в которых люди открывают рот под чужие песни или танцуют незамысловатые танцы из пяти движений. Появился новый актуальный страх: номофобия, боязнь остаться без телефона или вдалеке от него. Формируются и новые болезни: цифровое слабоумие и информационная псевдодебильность. Конечно, это проблема, одна из главных проблем современного общества. И мы все – пользователи «Фейсбука», фотографы «Инстагра-

ма», зрители «Ютуба» – в той или иной мере её жертвы. Но это ещё предстоит признать.

Уходящий 2020 год наполнен разнообразными событиями, главное из которых – эпидемия коронавируса. Карантин загнал всех на несколько месяцев в изоляцию, и, когда люди вышли из неё, стало понятно: мир окончательно изменился. Новое время рождает новых героев. Вот и в серии «Удивительные истории...» после сборника о мужчинах вышло издание «Удивительные истории о врачах». Издатель моментально уловил запрос: вот он, настоящий герой времени, способный на подвиг во время пандемии. Там, правда, не про врача в данном моменте, а про профессию вообще. Но всё же направление прочувствовано верно: впервые за долгое время мы видим настолько массовый акт самопожертвования, поступок, который никто не может отрицать. Иванов говорил о герое типическом, здесь речь идёт о герое исключительном. Это лишь два примера поиска, на самом деле их может быть куда больше. Мир пришёл в большое движение, и потерянный на тридцать лет, уже порядком изменившийся герой ждёт, когда же его наконец снова найдут и о нём напишут.